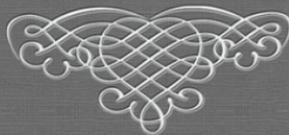

М. А.
БЕКЕТОВА

Избранное

Мария Андреевна Бекетова

О рисунках Александра Блока

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3021595

Аннотация

«Рисунки Блока, сохраненные его покойной матерью, не имеют художественной ценности, но они бесспорно интересны по темам. Из детских рисунков представляют интерес только корабли, которые Блок особенно любил и в детстве и в позднейшие годы. Он беспрестанно их рисовал, изображая в различных положениях, и даже устраивал из них выставки в своей комнате. Два прилагаемых рисунка, сколько я помню, относятся к годам девяти-десяти. Оба сделаны карандашом на четвертушках писчей бумаги...»

Мария Андреевна Бекетова

О рисунках

Александра Блока

Рисунки Блока, сохраненные его покойной матерью, не имеют художественной ценности, но они бесспорно интересны по темам.

Из детских рисунков представляют интерес только корабли, которые Блок особенно любил и в детстве и в позднейшие годы. Он беспрестанно их рисовал, изображая в различных положениях, и даже устраивал из них выставки в своей комнате. Два прилагаемых рисунка, сколько я помню, относятся к годам девяти-десяти. Оба сделаны карандашом на четвертушках писчей бумаги.

Первый рисунок. Нижняя часть разрисована цветным карандашом. Внизу синее море, остов корабля красный, борт желтый, с надписью: «Юнкер». Оснастка корабля – мачты, реи и пр. – нарисована обыкновенным черным карандашом. У бортов крайне примитивно изображены три человека: один – около мачты – в синем костюме и черной шляпе, другой – ближе к рулю – в красном и черной шляпе, третий – на носу – в черном.

Второй рисунок. Море без раскраски. Остов корабля раскрашен в таком порядке: борт лиловый, за ним красная, си-

няя, снова красная и оранжевая полосы; поперечная полоса, выделяющая нос, тоже красная. Оснастка с поднятым парусом нарисована черным карандашом, только местами, на поперечных линиях, – красным. Два флага – наверху мачты и на руле – оба трехцветные с продольными полосами – белой, синей и красной (дореволюционный национальный флаг).

Блок посмотрелся на корабли с раннего детства. Он родился в доме, который выходит на набережную Невы. Блок прожил там три года. Девяти лет он поселился на набережной Малой Невы. По-видимому, на мальчика производили впечатление именно парусные суда, так как финляндские пароходики, то и дело бороздившие в те времена Неву во всех направлениях, а также буксиры и другие суда не попадают на его детских рисунках.

В его стихах часто фигурируют корабли, нередко в символическом смысле. В этих случаях они всегда представляются как ожидание радости, как надежда на что-то светлое. Таких примеров много (пьеса «Король на площади», поэма «Ночная Фиалка», цикл стихов «Ее прибытие»).

Возвращаюсь к рисункам. В январе 1897 г. Блок оставил нам два рисунка. Ему было в то время шестнадцать лет. Один рисунок, **третий** по счету, представляет собой скромную виньетку в красках: шесть грибов на зеленой траве – красноголовые осиновики на толстых ножках, начиная с самого большого, как бы отца семейства, и кончая самым маленьким – в постепенном порядке. Виньетка нарисована

в конце афиши детского спектакля, устроенного 4 января 1897 г. у тетки Блока С. А. Кублицкой-Пиоттух. Афиша написана прекрасным почерком самого Блока. Представлены были две пьесы: одна – французская – очень забавный водевиль Лябиша «La grammaire», другая – русская – «Спор греческих философов об изящном», из Козьмы Пруткова. Все артисты, кроме одного, были родственниками Блока, в возрасте от восьми до двенадцати лет. Сам он играл старого и глупого президента академии, имел очень представительный вид в своих искусственных сединах и недурно справился с ролью. Это было время его увлечений сценой, главным образом Шекспиром.

Другой рисунок, **четвертый** по счету, более интересен. Это шутивная иллюстрация детского журнала «Вестник», номера которого выходили по одному экземпляру в месяц. Блок был техническим редактором и издателем журнала: он переписывал весь материал, снабжал текст иллюстрациями и т. д. Редактором была его мать.

К январскому номеру 1897 г. был приложен текст карикатурных рисунков пером – самого издателя. Сбоку виднелась скромная надпись: «Северная зима в очень дурных эскизах г-на ***». Рисунки сделаны талантливо и очень бойко. Они интересны еще и тем, что в них есть некоторые элементы знаменитой поэмы Блока «Двенадцать».

Вот описание рисунков: на листе толстой бумаги, в размер четвертушки писчей бумаги, расположены восемь рисунков

и две особые надписи, другие надписи относятся к большинству рисунков. Все надписи сделаны печатными буквами. Сверху вниз по левой стороне страницы сделана мелким шрифтом надпись, поставленная в прямые скобки: «тяп-ляп – и вышел корап». Внизу сбоку стоит надпись, сделанная крупными буквами: «Северная зима в очень дурных эскизах г-на ***». Рисунки расположены так: наверху слева будка городского; правее и несколько ниже – городской с ружьем; третий рисунок в том же ряду еще ниже, по диагонали: воющий пес, над которым надпись: «Собака лает и т. д.» Наверху справа – месяц на ущербе, сбоку надпись: «Луна». Второй ряд – из трех рисунков тоже по диагонали: 1) Корабль во льдах; справа наверху полукруглая черта, под ней наверху слева – «Fram»; 2) фигура мужчины с поднятым воротником и в цилиндре; видно, что идет с трудом, низ пальто свернут ветром в левую сторону. Сбоку надпись: «Ветер»; 3) очень поджарый волк, очерчен слева полукруглой чертой. Наверху между человеком и волком голова мужчины с подвязанной щекой. Справа надпись: «Зимний флюс». Весь фон рисунков испещрен черточками, очевидно, обозначающими, что идет снег. Таким образом, налицо ветер, буржуй на перекрестке и голодный пес. Можно прибавить еще, что «на ногах не стоит человек».

В марте 1897 г. Блок дал еще один рисунок пером. Точнее говоря, это были четыре маленьких рисунка, составляющих в целом род виньетки, украшающей тот подарок, который

Блок сделал ко дню рождения матери – 6 марта 1897 г. Александра Андреевна занималась в те годы переводами французских стихов. На рукописи их Блок нарисовал следующую виньетку: сверху на загнутом с двух сторон листе в виде свитка, за которым торчит положенное снизу перо, написано: «Французские поэты в переводе А. А. Кублицкой-Пиотух. Бодлер, Виктор Гюго, Верлен, Сюлли Прюдом, Альфред Мюссе, Фр. Коппе». Ниже три рисунка: помещенный стоймя Словарь Макарова с надписью на корешке: «Макаров 1–2. А. К.» За ним виден карандаш. Правее толковый словарь Лярусса, в лежачем положении; на корешке надпись: «Larousse A. K. П.» За словарем видны в стоячем положении две книги с надписями на корешках: «А. К. П.» Правее стеклянная чернильница в виде чуба с круглой крышкой и рядом маленькая пометка автора виньетки «А. Блок». Внизу под рисунком – «6 марта 1897 года». Это уже **пятый** рисунок.

Шестой рисунок (воспроизведен, как и другие описываемые здесь рисунки с видами Шахматова, выше, при публикации юношеского дневника Блока) нарисован карандашом на четвертушке писчей бумаги. Он точно воспроизводит шахматовский дом с лицевой стороны, выходящей в сад. На обороте карандашная надпись: «Шахматово. 1 августа 1898 г. Дом Его. Ал. Блок».

Седьмой рисунок представляет собой тот же вид шахматовского дома, он сделан два года спустя, тоже карандашом и на такой же четвертушке. Наверху над рисунком сделана

шутливая надпись: «В назидание предкам и потомкам». Слева внизу: «Шахматово. 3-е июня 1900»; направо вбок надпись: «А. Блок». Существенной разницы между рисунками нет, если не считать того, что второй нарисован отчетливее и лучше первого, на втором не нарисована пристройка и нет цветников, которых в то время уже не было. Еще выше поднялись жасминные кусты.

Особый интерес представляет тетрадка с четырьмя рисунками формата получетвертушки писчей бумаги. На заглавном листе обозначена дата: «1899. Шахматово. Июнь». Все рисунки Блока, начиная с 1898 г., сделаны в пору «Стихов о Прекрасной Даме», когда Блок познакомился летом этого года с Любовью Дмитриевной Менделеевой. Первый рисунок тетради (**восьмой** по общему счету), помеченный надписью: «4 июня. Боблово с горки», требует объяснения. «Горкой» называла семья Бекетовых тот подъем, который вел из шахматовской усадьбы в сторону ближайшей станции Подсолнечная (б. Николаевская ж. д.). По «горке» шла дорога, пролегавшая между пашнями. С нее открывался широкий вид, и в правой стороне видна была, вырисовываясь на горизонте, высокая гора, замыкавшаяся лесом. Сидя на «горке», Блок, вероятно, часто смотрел в ту сторону, где было Боблово, и наконец решил, что видная на горизонте полоса леса есть бобловская гора. Вопросительный знак над надписью показывает, что он не был вполне уверен в этом, но впоследствии, по-видимому, окончательно убедился в этом.

Девятый рисунок: «Баня. 6 июня (от елки)». Небольшая бревенчатая баня с дранковой крышей, из-под которой чуть виднеется верх печной трубы, нарисована очень отчетливо и точно.

Десятый рисунок, под которым подпись: «Угол дома и наша пристройка. 7 июня», сделан так же отчетливо и с такой же предельной точностью, как и баня.

Одиннадцатый рисунок, без даты, относится, вероятно, к тем же годам и исполнен одновременно с рисунками дома. Он нарисован с дальнего расстояния, почти за версту от Шахматова, с холма, поросшего молодым ельником, среди которого, отступя довольно далеко, стоит на лужайке большая елка. С этой вышки хорошо видны с задней стороны шахматовские сараи и службы, фон которых составляли деревья сада.

Остальные рисунки Блока (воспроизведены выше, при публикации «Александр Блок и Андрей Белый в 1907 году») представляют собой карикатуры.

Двенадцатый рисунок. Карикатура на Андрея Белого, без даты, вероятно, 1905 г., когда Андрей Белый бывал особенно часто у Александры Андреевны и у Блока, живших в квартире отчима Александра Александровича. Рисунок сделан карандашом на четвертушке писчей бумаги. На большом овальном столе с четырьмя ножками стоит чашка с ложкой и лежит раскрытая книга. Андрей Белый стоит лицом к зрителю за столом. Лицо улыбающееся, но волосы стоят на го-

лове дыбом. Внизу подпись: «Андрей Белый читает люциферьянские сочинения Риля и Когэна». В этой карикатуре подпись удалась лучше рисунка; нужно понимать, что улыбка поэта и волосы, стоящие на голове дыбом, изображают и удовольствие и ужас, или насмешку и ужас. Андрею Белому было в то время 25 лет. Он прошел уже два разных факультета в Московском университете – и естественный, и филологический – и был до краев начинен философией, которую, при его блестящих способностях, памяти и отвлеченном уме, преодолел вполне, и, как выражался он в своих позднейших книгах, «вгрызлся» то в того, то в другого, по большей части немецкого, философа. Блок был далеко не так привержен к философии, как Андрей Белый, и иногда подтрунивал над его крайними увлечениями излишней отвлеченностью.

Тринадцатый рисунок гораздо удачнее предыдущего. Это тоже карикатура на Андрея Белого. Рисунок сделан карандашом тоже на четвертушке. Андрей Белый стоит, обращенный в профиль к зрителю. Поза его с вытянутыми руками и согнутыми коленями очень напоминает его на кафедре во время докладов. Что касается лица, в котором есть что-то от кота, то сходство слабое; но в молодые годы, когда Андрей Белый был очень худощав, в нем действительно было что-то кошачье. Что же касается надписи: «Андрей Белый рассказывает маме о гносеологических эквивалентах», – то она положительно удачна. Конечно, в действительности не

было такого разговора Александры Андреевны с Андреем Белым, – это была только в высшей степени меткая стилизация Блока. Андрей Белый любил затрагивать такие трудные темы, не считаясь с тем, поймет ли его собеседник то, что он говорит. Александра Андреевна была очень мало осведомлена в философии, хотя интересовалась философскими темами, понимая многое по интуиции. Но Андрей Белый в таких случаях обыкновенно несся вперед, ничего не замечая и увлекаясь темой и собственным красноречием.

Остальные карикатуры Блока не представляют общественного интереса.

<1937>